

Час мужества пробил на наших часах

Авария на Чернобыльской АЭС произошла двадцать шесть лет тому назад. В канун очередной годовщины трагических событий корреспондент «МП» встретился с сотрудниками государственного унитарного предприятия МосНПО «Радон», которые с первых дней аварии принимали самое активное участие в ликвидации ее последствий. Кто, как не они, высококвалифицированные специалисты, может профессионально рассказать о той катастрофе, которая стала национальной бедой, потрясением для всего мира. Спустя годы они могут говорить сегодня об этой трагедии более подробно и откровенно, акцентируя внимание людей на тех уроках, которые преподала человечеству авария на Чернобыльской АЭС. Учить эти уроки на будущее - главное, что надо сделать в век ядерных энерготехнологий.

Саликов Владимир Андреевич, Соминский Юрий Зиновьевич, Матюха Антон Дмитриевич, Козорезов Евгений Викторович, Цыбиков Николай Александрович... Каждый из них во время ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС не раз побывал в 30-километровой зоне, выполняя ответственные задания своего ведомства. У каждого из них свои впечатления, свой взгляд, своя оценка случившегося. Все они заслужили уважение государства и общества, потому что в сложной и опасной ситуации, когда пробил час мужества, выполнили свой долг.

Ликвидаторы аварии на ЧАЭС. В первом ряду слева направо: В. А. Саликов, А. Д. Матюха; во втором ряду слева направо: Н. А. Цыбиков, Ю. З. Соминский, Е. В. Козорезов Е. В. 2012 г.

Подполковник Владимир Андреевич Саликов работал в отделе, который занимался разработкой средств радиационной разведки и защиты от радиации. В декабре 1985 года он с капитаном III ранга Евгением Волковым завершил аналитическую работу, связанную с возможными авариями на военных подвижных атомных станциях.

Отдел, в котором я работал, - рассказывает Владимир Андреевич, - разделили на две группы. Первая улетела 26 апреля вместе с Е. М. Волковым, вторая вместе со мной и моим командиром Р. Ф. Разувановым 22 мая. Учтивая, что с начала аварии все вновь поступающие данные о радиационной обстановке непрерывно анализировались, мы имели всю информацию о катастрофе и представляли ее масштабы и последствия.

Группа, возглавляемая Р. Ф. Разувановым, разместилась в здании горисполкома г. Чернобыля и сразу же приступила к работе. В наши обязанности входила радиационная разведка, контроль за состоянием всех сред - воздуха, воды, растительности, животного фонда... Два с половиной месяца мы выполняли эту задачу. Объективный анализ нужен был для того, чтобы принимать правильные решения по ликвидации последствий аварии. Первым результатом была оценка соотношения количества топлива, выброшенного из реактора и оставшегося в нем, - 10 и 90% соответственно. Специалистами группы определялся ежесуточный выброс из аварийного блока радиоактивных материалов в атмосферу, для сокращения которого были разработаны предложения по строительству объекта «Укрытие», в просторечии - саркофага.

Каждые сутки мы меняли одежду, обувь... Я сам организовал контроль доз облучения. На тот момент при отъезде специалистов из 30-километровой зоны АЭС заполнялась карточка с указанием полученных доз. На месте решался вопрос, в зависимости от поставленных задач, кому, сколько предстоит побыть в районе катастрофы. Я был два с половиной месяца непрерывно. Потом еще дважды ездил в Чернобыль, где был разработан объемный комплект документов «Уроки Чернобыльской аварии». Очень жаль, что они до сих пор секретны и не стали учебным материалом.

Юрий Зиновьевич Соминский много лет руководил в ГУП МосНПО «Радон» отделением Союза Чернобыль. В свои 43 года Юрий Зиновьевич в течение 1986 и 1987 годов проработал в зоне поражения радиацией около полугода. Он был одним из руководителей ОМГРО - Оперативной межведомственной группы по оценке радиационной обстановки в 30-километровой зоне ЧАЭС. Каждый вечер, - вспоминает Ю. З. Соминский, - группа давала сообщение Правительственной комиссии о состоянии радиационной обстановки в разных частях зоны. Надо было организовать отбор проб, измерения, затем свести данные в единый документ. Поскольку аппаратура была разная, иногда измерения по одному и тому же населенному пункту отличались на два порядка. Если на юге

самым опасным. Меня это удивляло, потому что на атомных подводных лодках, где я служил, даже при нормальной эксплуатации реактора мы постоянно контролировали радиационную обстановку стационарными и переносными приборами радиационного контроля, а тут...

Много было военных, гражданских, инженерные войска, подразделения гражданской обороны... Но никто не знал, что делать. Только начальник химвойск генерал-полковник В. К. Пикалов, у которого тоже не было опыта в ликвидации последствий подобных аварий, пытался действовать.

Вспоминается один эпизод тех дней. В том месте, где развалился угол четвертого блока, уровень мощности дозы был свыше тысячи рентген в час. Инженерная машина подгребала фрагменты к зданию. В машине были полковник-химик В. П. Кузьмичев и призванный водитель. В какой-то момент машина застряла, и тогда полковник, выскочив из нее по пояс, несколько минут отдавал водителю команды. Через некоторое время у него начались рвота и

Оперативная группа на ЧАЭС. 1986 г.

сильнейшее расстройство желудка - верные признаки острой лучевой болезни.

В очень опасных условиях работали метростроители, у которых в первое время не было ни дозиметров, ни настоящих респираторов, которые, например, использовались на атомных подводных лодках. Метростроители делали тоннель под разрушенный реактор для по-

быль оставил глубокий след в памяти. Особенность этого печального события в том, что в него было вовлечено огромное количество людей - десятки тысяч, чьи судьбы ломались. К нашему приезду город Припят уже был свободен, а вот эвакуация из 30-километровой зоны проходила на моих глазах. Все было сделано правильно, очень быстро и четко, но наблюдать за этим процессом, за переживаниями людей было больно.

Во время пребывания в зоне отчуждения я сам контролировал дозовые нагрузки. Обращаясь к врачам начал в конце 1987 года, когда почувствовал, что теряю волосы. Я все-таки облысел, но никто из врачей не сказал, что причина этого - именно радиация. Вспоминая события спустя четверть века, должен признаться, что ни мне, ни моим товарищам и в голову не приходило отказаться от поездки в Чернобыль, отсидеться. Мы привыкли к дисциплине, и когда нам сказали «Надо!» - поехали. Армейских новобранцев, которых бросили в самое пекло, было жалко, а мы, специалисты, выбравшие себе такую профессию, знали, с чем имеем дело, и в этом нам было проще. В конце 1986 года в первой группе на гражданских в институте я получил орден «Знак Почета».

Николай Александрович Цыбиков. В зоне аварии он провёл в общей сложности около шести лет. Уже 5 мая 1986 года Цыбиков вылетел из аэропорта «Внуково» в Киев.

Все, что происходило в первые дни после аварии вокруг Чернобыльской АЭС, напоминало мне самонастраивающийся организм. Прошла, - рассказывает Николай Александрович, - начальная неразбериха, были сформированы оперативные группы министерств

Оперативная группа на ЧАЭС. 1986 г.

и ведомств, которые взаимодействовали между собой под руководством Правительственной комиссии. Незабываемое впечатление произвело на меня выступление ее руководителя, заместителя председателя Совета Министров СССР Бориса Едковича Щербини. Он сказал просто и четко: «К нам пришла беда. Большая беда!» Это надо было прочувствовать. Действительно, страшная беда. Входим в детский садик... Открытые шкафчики, разбросанные платочки, туфельки, игрушки... А наверху, на втором этаже живут ликвидаторы аварии.

Беда объединила людей. Я закончил МИФИ, факультет экспериментально-теоретической физики по специальности дозиметрия и защита в 1970 году. Не раз бывал на ядерных испытаниях, и здесь, в Чернобыле, для меня многое, как казалось тогда, было понятно. Не думалось, что это растянется на годы. А рядом были умные, опытные, смелые люди, с которыми неоднократно сталкивался до этого на полигонах. Хочу рассказать об одном нашем сотруднике - Николае Николаевиче Щетинине, с которым мы провели в Чернобыле несколько лет. Он работал с «горячими» частями, его данные всегда отличались объективностью. На таких, как Щетинин, всегда можно положиться во всем. Николай Николаевич - участник Великой Отечественной войны, боевой разведчик, у него 18 благодарностей Верховного главнокомандующего и две благодарности командующих фронтами - генерала армии Ватутина и маршала СССР Толбухина. При его непосредственном участии в 30-километровой зоне была разбита наблюдательная переная сеть, и многие процессы стали предельно ясны.

Когда я возвращался из зоны домой, было ощущение жуткой усталости, хотелось спать, в роту был привкус железа. Но проходило какое-то время, и я снова ехал в командировку. В Чернобыле мне посчастливилось встретиться с профессионалами высочайшего уровня - цветом советской науки. У нас не было страха. Без желания оптимальным путем выполнить поставленные задачи. А вот для наших родителей и семей это было тяжелейшим испытанием. Пока я находился в Чернобыле, моя жена поседела. И дети за шесть лет выросли... как-то очень уж быстро. Но это все осознается уже потом, спустя годы.

С участниками ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС беседу вела БЕРТА БУХАРИНА. Материал подготовлен при участии пресс-службы ГУП МосНПО «Радон».

судьбы

Среди монет и формул

В марте исполнилось 150 лет со дня рождения Павла Васильевича Зубова (1862 - 1921) - видного ученого-химика, а также одного из крупнейших коллекционеров-нумизматов своего времени. В начале XX века его собрание редких монет было признано лучшим в России. Всю свою коллекцию вместе с собранной им уникальной библиотечкой по нумизматике П. В. Зубов передал в дар Государственному Историческому музею. Усадьба Зубовых близ Таганской площади была в свое время важным культурным и научным центром нашего города. На доме, где жил и работал ученый, еще в 1970 году установлена мемориальная доска.

Павел Зубов происходил из семьи богатых промышленников, владельцев красивой фабрики. Он окончил физико-химический факультет Московского университета, и многие предполагали, что молодой специалист займется на «фабричном» предприятии технологиями окраски тканей. Но страсть к науке оказалась сильнее: Павел Зубов стал изучать теплоту горения органических соединений, а перешедшую ему в наследство фабрику вскоре продал. Зубов много лет работал в лаборатории при Московском университете; его исследования и публикации значительно продвинули вперед отечественную химию.

По словам сына ученого, историка и философа В. П. Зубова (1900 - 1963), в работах его отца всегда проявляется «тяга сквозь факты и искусные эксперименты к «природе вещей», к тайнам строения молекул, к атомным связям, к глубочайшим вопросам строения веществ...»

Случайно самой ценной вещью во всем доме П. В. Зубов считал химические тетради с результатами долготелых наблюдений: за их судьбу он всякий раз беспокоился во время грозы, чреватой пожаром...

Вторым призванием Зубова стала нумизматика. Его он начал увлекаться еще в детстве. С самого начала Павел Васильевич поставил коллекционирование на систематическую, исследовательскую основу. Десятилетия усердных занятий превратили его в серьезного собирателя-знатока, к чьему мнению прислушивались не только коллеги по хобби, но и профессиональные историки. В 1890 году П. В. Зубов был избран членом Московского нумизматического общества, а спустя семь лет опубликовал книгу «Материалы по русской нумизматике», за-

бовское собрание пополнялось и таким образом. Для этого, пишет сын ученого, «приходилось протягивать нити в трущобы, к крестьянам, вниз». П. В. Зубов вел переписку с некоторыми провинциальными кладовщиками и археологами-любителями: случалось, среди их находок обнаруживались подлинные жемчужины.

Павел Васильевич собирал в основном русские и восточные монеты. Так, в 1906 году на

интересовавшую многих видных специалистов.

В. П. Зубов в своей книге «Семейная хроника» (издана в 2010 г.) вспоминает атмосферу таганского дома: «Московские нумизматы собирались иногда у нас, и отец демонстрировал свои новые приобретения, которые сосредоточенно изучались сквозь лупу. Всегда на столе лежала нумизматическая доска, обитая фиолетовым бархатом, с серебряными или бронзовыми медалями. Нумизматические шкафы, лупы и кожаные кресла - вот что осталось в памяти...»

Имея значительные средства, Павел Зубов иногда покупал целую коллекцию монет, собранные коллегами старшего поколения. Так, в 1890 году он приобрел коллекцию киевского собирателя Арапова (в ней были редкие монеты петровской эпохи), а спустя десятилетие - коллекцию древнерусских монет рязанского ученого и нумизмата Черепнина.

Особый азарт у Зубова вызывало приобретение монет «на корню» - то есть при находке кладов. Подобные удачи были редкостью, но все же иногда зу-

лондонском аукционе «Сотби» Зубов приобрел большое количество мусульманских монет из коллекции англичанина Джонстона. А незадолго до Первой мировой войны купил интересную арабскую коллекцию у австрийского офицера Цамбауэра - в ней были редчайшие монеты средневековых халифов, каких не имели ни Эрмитаж, ни Британский музей.

Самоу коллекцию П. В. Зубов еще в 1900 году завещал Историческому музею. После революции новая власть отнеслась к ученому и его семье сравнительно благоосклонно: за ними сохранили мезонин фамильного особняка; казем-либо политическим репрессиям никого из Зубовых не подвергали. Оставшуюся часть дома, впрочем, «уплотнили» новыми жильцами и учреждениями. Из зубовского имущества большевиками были реквизированы мебель и замечательная коллекция итальянских скрипок XVIII века (их позже передали в Музей музыкальной культуры). Кстати, внучка П. В. Зубова, профессор МАРХИ Мария Васильевна Зубова, живет в этом доме и сегодня, описе-

творя связь поколений замечательного семейства.

До последних дней жизни П. В. Зубов занимался подробным описанием своей коллекции, ведь никто другой во всей России с этим делом справиться бы не смог. После смерти ученого и собирателя вся его огромная коллекция - 14 шкафов в таганском доме - поступила в Исторический музей, где и находится ныне. Специалисты признают, что это один из ценнейших по количеству и качеству нумизматических вкладов в музейные фонды. В 1997 году имя П. В. Зубова в числе других крупнейших меценатов и дарителей было увековечено на мемориальной доске, установленной в вестибюле Исторического музея.

В начале марта в музее прошел юбилейный вечер памяти ученого. В эти же дни произошло еще одно важное событие и для представителей семьи Зубовых, и для всех, кто интересуется историей Москвы, историей отечественной науки и культуры. Завершилась реставрация особняка Зубовых на Большой Алексеевской (ныне улица Александра Солженицына), продолжавшаяся 6 лет. Этот памятник истории и архитектуры, построенный в два этапа в XVIII - XIX веках, вновь обрел облик, достойный его прежнего научного, делового и культурного статуса. В большом зале особняка, как и в дореволюционные времена, будут проходить концерты классической музыки, в цокольных помещениях в апреле откроется галерея современной скульптуры. В одном из помещений усадьбы в ближайшей перспективе планируется устроить мемориальный музей Зубовых. Его экспозиция будет рассказывать о представителях этой замечательной московской семьи, об их трудах и судьбах.

Андрей МИРОШКИН. На снимках: П. В. Зубов. Фото начала XX в.; особняк Зубовых на Таганке.

НОВЫЙ САЙТ РАДИО «ЭХО МОСКВЫ»

www.echo.msk.ru

FM91.2

Свободное радио - для свободных людей!

Редакция (495) 695-92-29 Реклама (495) 959-05-11